

УДК 316.1

Александр Ерёмченко

**ФЕНОМЕНЫ ИСКАЖЁННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И
ИСКАЖЁННОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОГО КОНФЛИКТА В ДОНБАССЕ**

В статье анализируются особенности восприятия событий, которые происходили в Луганске весной и летом 2014 года. Выявлены феномены изменения идентичности и искажений памяти в сознании наблюдателей и участников событий.

Ключевые слова: событие, Луганск, идентичность, память.

Автору этих строк пришлось наблюдать за целым рядом эпизодов, происходивших в Луганске весной–летом 2014 года, и во многом, как теперь ясно, определившим нынешнюю канву сложных и драматических трансформаций социально-политических реалий современной Украины, а также мировоззренческого пласта сознания жителей Луганщины.

Целью настоящего исследования был анализ особенностей восприятия исторического события его непосредственными участниками и наблюдателями, находящимися в эпицентре события.

Методом исследования стало глубинное интервью. Автором была разработана анкета, включающая 27 вопросов (все вопросы открытые). На протяжении 2015 года было опрошено 30 респондентов. Из тридцати респондентов 22 являются наблюдателями, 8 – участниками событий; 25 респондентов занимают проукраинскую позицию, 5 – пророссийскую. Таким образом, выборка в итоге оказалась случайной.

Вопросы анкеты были сгруппированы по смысловым блокам, отражавшим различные аспекты восприятия исторических событий, начиная от факторов целостности события (цепи событий) и заканчивая влиянием событий на повседневную жизнь респондентов.

В работе “История как событийность” [2] мы определяли понятие события через понятие действия. В дальнейшем мы пришли к выводу, что правильнее будет считать событие не разновидностью социального действия, а разновидностью социального изменения. Событие есть не само действие, а то изменение, которое произошло благодаря действию. Один и тот же феномен при более общем взгляде выглядит как событие, при более пристальном – как цепь событий. Но это не значит, что мы не можем отличить событие от не-события. Отдельным событием можно считать, скажем, битву при Аустерлице или взятие Праценских высот. Но событием нельзя считать треуголку Наполеона. (О треуголке Наполеона как несобытийном феномене см. Р. Арона [1, с. 327]; см. также у Р. Козеллека о соотношении битвы при Лойтене как события с войсковым уставом Фридриха II как структурной предпосылке события [3, с. 155–156]).

В контексте проблематики данного выпуска сборника представляют интерес некоторые особенности влияния событий на национальную идентичность и трансформации реально происходивших событий в памяти респондентов.

Трое респондентов отмечают усиление в их сознании украинской идентичности. Трое фиксируют изменение своей идентичности: участник 2 и наблюдатель 21 сообщают о том, что их русская идентичность сменилась на украинскую; у наблюдателя 6 украинская идентичность сменилась ярко выраженной русской.

Н6 довольно ярко описывает процесс смены своей идентичности: «Хотя я сперва был за Украину и на местном референдуме голосовал за единую Украину, но мнение резко поменялось после того, как Украина начала бомбить Луганск. Столько людей погибло, ни в чём не повинных, столько было разрушено домов, заводов, магазинов, одним словом, инфраструктура была разрушена. И своего мнения я буду придерживаться, что бы там на территории Украины не говорили про нас: что мы террористы, сепаратисты, бандиты, что у нас нет работы, что цены бешеные. ... Да, нам сейчас тяжело, но мы прорвёмся. У нас нет беспредела: у нас никто никого не хватает на улице и не заставляет идти воевать. Всё чисто добровольно, а не как в Украине: вышел в магазин за хлебом, а тебе повестку в зубы, – не пойдёшь убивать, тебя посадят. Вот это беспредел». Я не могу судить с уверенностью, но мои частные беседы с «гражданами ЛНР» побуждают думать, что градус ненависти к Украине в «молодой республике» довольно высок. Думается, что путь к примирению лежит через разрушение мифологизированных стереотипов с обеих сторон противостояния.

Интересное обоснование смены идентичности находим у Н21: «Моя идентичность изменилась примерно в середине девяностых годов. Именно тогда я начал ощущать себя украинцем. Я как человек, воспитанный на классической русской литературе, не мог стерпеть хамства русской шовинистической прессы по отношению к Украине. Именно это хамство сделало меня украинцем».

Чтобы закончить тему идентичности, отмечу несколько, на мой взгляд, любопытных случаев. Н18 идентифицирует себя как «интернационалистку»; Н17 затрудняется с определением идентичности: «без роду, без племени». Н12 бравирует своей советской идентичностью: «Совок», и горжусь этим». Колебания Н8 относительно своей идентичности носят экзистенциальный характер: «Мне очень дорога Россия – страна моих любимых поэтов и моего любимого языка. ... Однако большинство моих близких было настроено за Украину, и я, понимая, что это ближе к объективности, примкнула к ним. Всё же я была ни там, ни здесь, так как

сторонникам обеих сторон говорила прямо, что не разделяю их позиций, особенно когда они радовались успехам военных, что для меня означало торжество ничто, смерти. Из этого всего следует, что я хоть и считала себя в то время украинкой, но всё же ею не была. Я находилась как раз на границе бытия украинцем и бытия русским, не в силах совершить этот мерзкий выбор».

Довольно интересные результаты получены при исследовании восприятия времени наблюдателями и участниками событий. Здесь меня интересовали два смысловых пласта: восприятие актёрами прошлого, настоящего и будущего, а также восприятие времени в драматических моментах события. В последнем аспекте имеется в виду феномен искажения времени (сжатие, растяжение, убыстрение, замедление) в эпицентре интенсивной событийности.

Что касается первого аспекта, то, разумеется, «зарезо событий» бросало свои блики на будущее в большей степени, чем на прошлое.

По отношению к будущему в ответах респондентов преобладают такие настроения, как беспокойство, тревога, страх и другие негативные эмоции. Типичные ответы: «прошлое воспринималось как нечто спокойное; будущее – с тревогой, даже думалось, а будет ли будущее?» (Н20); «прошлое уже кануло в Лету, настоящее мерзко, от будущего ничего хорошего не жду» (Н21). Смягчённым вариантом таких ответов нам представляются ответы, уходящие от определённых оценок будущего: «прошлое не вернёшь ... будущего я пока не вижу. Хорошего будущего я не вижу» (Н1) (это уточнение очень показательное); «изменилось восприятие прошлого, оно стало таким же настороженным, как и к настоящему; будущего не вижу» (Н18). Это «бегство от будущего» я трактую как сознательное или подсознательное стремление не думать о негативных, но неизбежно надвигающихся следствиях происходящих событий, нечто вроде иллюзорной защиты, сродни тому, что человек старается не думать о смерти.

В ответах Н20 и Н18 мы видим, что события в некоторой степени меняют и восприятие прошлого. Гораздо более яркие изменения зафиксированы в следующих ответах: «общее восприятие времени постоянно изменялось как иррационально-неправдоподобное возвращение в прошлое» (Н15); «было ощущение, что мы вернулись в семнадцатый год, как бы «столетию Октябрьской революции посвящается». Я ощутила себя представителем интеллигенции дореволюционной России» (Н10).

Особенно интересные результаты, на мой взгляд, получены при исследовании искажения восприятия времени в точках интенсивной событийности.

Одиннадцать респондентов достаточно уверенно отметили изменение в восприятии времени. Семеро респондентов проявили колебания в ответе

на данный вопрос, что я склонен толковать в пользу отсутствия искажений. На мой взгляд, искажение восприятия времени представляет собой довольно яркое впечатление. Маловероятно, чтобы при его наличии респондент затруднился с ответом. Из числа фиксировавших искажение трое отмечали, что изменение восприятия времени произошло *postfactum*: «Сказать, что в то время было какое-то ощущение деформации времени, не могу. Но впоследствии, сейчас, например, всё то время как бы сливается в какой-то краткий спрессованный период» (Н21). Это ощущение респондента, значительную часть времени прятывшегося в подвалах. Сходное ощущение описывает Н22: «Чувство времени как бы спрессовывается, и большая часть, даже может быть месяцы, выпадает, остаются в памяти два-три дня, которые изменили... (ход событий – А. Е.)». Экстремальные события Луганского мятежа врезались в память Н22 яркими деталями, достойными кинематографа: «Я помню и лица и то ощущение, когда большое количество людей скандирует... Когда митингующие от здания СБУ пришли захватывать здание облгосадминистрации, они начали бить окна и, проникнув туда, в здание, первым делом стали выбрасывать эти коробки с печеньем и сосисками (запасы продуктов для охраны облгосадминистрации – А. Е.). И вот, я хорошо помню женщину из этой толпы, которая стала эти сосиски собирать. Для меня это один из символов таких событий».

У4, побывавший в подвале здания СБУ, отмечает, что во время плена «был внутренне более-менее спокоен. ...А потом уже почувствовал дискомфорт, испуг... И то, наверное, не сразу, а через день». Искажение восприятия времени в драматичных моментах событий У4 фиксирует с некоторой неуверенностью. Из общего количества ответивших примерно половина подтверждает наличие искажений в восприятии времени, половина отрицает. Я предполагал, что пропорция будет в значительной степени смещена в сторону утвердительных ответов, но моя гипотеза не подтвердилась. Прежде чем предложить объяснение данного факта, проанализируем утвердительные и негативные ответы.

Из восьми респондентов, фиксировавших изменения восприятия времени, трое (Н4, Н9, Н20) отметили замедление времени при экстремальных негативных событиях. Двое респондентов (Н8, Н19) полагают, что в экстремальных эпизодах время иногда сжимается, иногда растягивается. Н8 объясняет растяжение времени отсутствием информации (нарушением связи с родными); феномен сжатия времени остаётся для неё необъяснимым. Столь же необъяснимыми для Н19 оказываются оба феномена искажения восприятия времени, но он фиксирует такие искажения лишь при экстремальных негативных событиях, особенно несущих угрозу гибели. В его ответе находим хрестоматийную

формулировку: «Вся жизнь прошла перед глазами, и прощения успел попросить у всех, кого обидел даже просто одним словом». Двое респондентов отметили сжатие (ускорение) времени как при негативных, так и при позитивных эпизодах интенсивной событийности. Любопытно, что оба этих респондента являются не просто участниками событий (У6, У7), а участниками боевых действий. В ответе У7 также наблюдаем хрестоматийное впечатление: «6-часовой бой пролетел, как мгновение». И лишь У2 дала ответ, соответствующий распространённому мнению о закономерностях искажения восприятия времени: «Как правило, если это событие негативное эмоционально, то время существенно замедляется, если это событие позитивное, то бег времени ускоряется».

Все респонденты, отметившие изменение восприятия времени, связывают этот феномен со стрессовым состоянием актора. Однако, как видим, стресс вызывает различные изменения восприятия: либо замедление, либо ускорение, либо и замедление и ускорение; причём не наблюдается чёткой корреляции замедления и ускорения с позитивным или негативным характером эмоций актора.

В качестве объяснения различия в восприятии времени предлагаю следующую гипотезу. У меня сложилось впечатление, что респонденты, которые знали о феномене изменённых состояний сознания в экстремальных обстоятельствах, как правило, с большей уверенностью утверждали наличие таких состояний. Респонденты, которые не знали об указанном феномене, либо отрицали наличие таких состояний, либо колебались в ответах. Н16 знал о научной литературе по данному вопросу, и поэтому он с некоторым удивлением констатировал отсутствие таких состояний в своём сознании в экстремальных эпизодах событий. Разумеется, предложенная гипотеза требует экспериментальной проверки.

В целом анализ особенностей восприятия времени акторами, находящимися в эпицентре событий, привёл автора к следующему выводу, выходящему из области социальной психологии в сферу философии истории. В литературе нередко подчёркивается значимость соотношения «большой» истории и «малой» повседневности для осмысления человеком смысла своей судьбы. Говоря абстрактно, это, конечно, верно. Но когда негативное историческое событие (а *любое* историческое событие порождает более или менее сильные *негативные коннотации – теперь я настаиваю на этом*) происходит в непосредственной близости от судьбы человека, ценность «большой» истории, значительной временной перспективы снижается, даже нивелируется. Особую значимость приобретают либо «мелочи», которые происходят сейчас, либо ностальгические воспоминания о приукрашенном прошлом.

Также меня интересовало, влияла ли погода на восприятие событий. Этот вопрос был сформулирован в связи со значительным влиянием погодных условий на события мировой истории, в особенности на батальные и связанные с массовыми действиями акторов (битвы, начиная с древнего мира и вплоть до XIX в.; ливень у здания парижской ратуши 27 июля 1794 г. во время Термидорианского переворота).

Данные нашего опроса позволяют констатировать явную тенденцию снижения влияния погодных условий на ход событий, по крайней мере, снижение влияния на восприятие событий. 17 респондентов утверждают, что погода никак не влияла на восприятие событий, при этом они помнят, какая была погода. Для двоих респондентов погода настолько не важна, что они даже не помнят, какой она была весной–летом 2014-го.

Один респондент затруднился с ответом, а у одного находим особое мнение, весьма необычное. Для понимания этого мнения важно пояснить, что респондент Н17 отличается повышенной религиозностью: «Холодная, с сильным шквальным ветром и обложными дождями, погода явно была против и предвещала людям слезы и скорби». Со всей ответственностью утверждаю: лето 2014-го было одним из самых жарких и засушливых на моей памяти (автор проживал в Луганске с 1962 г.). Правда, через год, 25 июня 2015 г. на Луганск действительно налетел кратковременный шквальный ветер. Он согнул крест на соборе св. Петра и Павла в Каменном броде, а также повалил аллею голубых елей перед фасадом здания СБУ. Штурм здания СБУ 6 апреля 2014 года является знаковым началом цепи событий. Разумеется, желающие могут усмотреть в шквале 25 июня 2015 г. мистический смысл, но он случился намного позже событий 2014 года. Тогда уже действовало перемирие, город не обстреливали, горожане возвращались к мирной жизни. Думается, «воспоминание» Н17 является ещё одним доказательством поразительной субъективности инсайдеров, особенно верующих, при восприятии объективной реальности событий. Собственно говоря, сама объективность этой реальности должна быть поставлена под вопрос, ибо мы никогда не имеем дело с самим событием, но всегда – с событием, увиденным через экран сознания.

В целом события: а) угнетают; б) радикализируют; в) мобилизуют; г) искажают, – сознание и поведение акторов и инсайдеров.

Список использованной литературы

1. Арон Р. Введение в философию истории // Арон Р. Избранное: Введение в философию истории.– М.: ПЕРСЭ; СПб.: Ун-тская книга, 2000.– 524 с.
2. Ерёменко А. М. История как событийность. В 2-х тт.– Луганск: РИО ЛАВД, 2005.– Т. 1.– 544 с.
3. Козеллек Р. Минуте майбутне. Про семантику історичного часу.– К.: Дух і

літера, 2005.– 380 с.

Олександр Єременко

ФЕНОМЕНИ СПОТВОРЕНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ ТА СПОТВОРЕНОЇ ПАМ'ЯТІ В КОНТЕКСТІ СУЧАСНОГО КОНФЛІКТУ НА ДОНБАСІ

В статті аналізуються особливості сприйняття подій, які відбувались в Луганську весною та влітку 2014 року. Виявлені феномени зміни ідентичності та спотворення пам'яті у свідомості спостерігачів та учасників подій.

Ключові слова: подія, Луганськ, ідентичність, пам'ять.

Oleksandr Yeremenko

PHENOMENA OF DISTURBED IDENTITY AND DISTORTED MEMORY IN THE CONTEXT OF THE CONTEMPORARY DONBASS CONFLICT

The article analyses the perception peculiarities of events that took place in Luhansk in spring and summer 2014. The phenomena of disturbed identity and distorted memory have been revealed in the minds of observers and participants of the events. The change of national identity occurs under the influence of a strong emotional tension caused by events, and affects the existential layers of self-consciousness. Interesting results were obtained in the study of time perception. The phenomenon of time distortion (compression, stretching) at the points of intensive eventfulness has not received the explicit confirmation. As for «great» time, events change not only the perception of the future (that is quite natural), but to some extent the perception of the past. In particular, the details of everyday life experienced before the «eventful Rubicon» are painted in a positive and nostalgic tones. The perception of weather phenomena during a period of intense events is distorted: they are either saturated with symbolic meaning, or non-existent phenomena with symbolic meaning are invented.

Keywords: event, Luhansk, identity, memory.

References

1. Aron R. (2000) Vvedeniye v filosofiyu istorii [Introduction to Philosophy of History], Aron R. *Izbrannoye: Vvedeniye v filosofiyu istorii.*– М., PERSE; Spb., Universitetskaya kniga, 524 p.
2. Eremenko A. M. (2005) Istoriya kak sobyitiynost [History as event]. V 2 tt. *Lugansk*, RIO LAVD, T. 1, 544 p.
3. Kozellek R. (2005) Minule maybutne. Pro semantiku istorichnogo chasu [The coming out future. About the semantics of historical time]. К., Dux i litera, 380 p.

Стаття надійшла до редакції 11.03.2017.

Стаття прийнята 19.04.2017.